

— А, Янь Цзю, — Янь Цзою взял бутылку, сделал несколько больших глотков, закурил. Маленькое пламя осветило его лицо, сделав его особенно ярким. Его глаза-персики с полупьяным, полубодрым взглядом презрительно скользнули по Чэн Хао — точь-в-точь как три дня назад в Древнем переулке Феникса, когда Янь Цзою провожал его в аэропорт. В тот день Чэн Хао внезапно сорвался в Штаты, наверное, из-за Янь Цзю. А он, дурак, и не ведал. Янь Цзою усмехнулся:

— Сколько лет вы уже тянете эту тёмную ляжку?

Чэн Хао не ответил.

Янь Цзою обернулся к своим приятелям:

— Мы просто дурачимся! Продолжайте веселиться, чего уставились?

Семьи Чэн и Янь издавна враждовали — это знали все.

Взрослые, как бы они друг друга ни ненавидели, никогда не опускались до такой грубости. Они лишь наблюдали с берега, устраивая мелкие пакости, но ни одна сторона не переходила черту. Не то что младшее поколение — этот парень из семьи Чэн явился с людьми крушить всё подряд. Но и семья Янь не лыком шита.

Это всё равно что драка божеств — куда уж простым смертным вмешиваться. Теперь ни помочь, ни не помочь — атмосфера повисла неловкая.

Услышав, что хозяин положения дал отмашку, все разошлись, каждый к своим утехам.

Управляющий баром, человек понятливый, дал знак приглушить свет и прибавить музыку. Заведение снова наполнилось гомоном.

Но Чэн Хао просто махнул рукой — и его люди скрутили Янь Цзою.

Янь Цзою даже бровью не повёл:

— Чэн Хао, если уж любовниками не быть, не теряй обычаев. А то опозоришься на весь город. Шум поднимешь — никому хорошо не будет.

Чэн Хао, похоже, был вне себя. Он отвесил Янь Цзою пощёчину:

— Сволочь!

— Ага, — лицо Янь Цзою оставалось спокойным, весь его вид говорил: «Попробуй, тронь».

— Отдай его, и я тебя отпущу.

Янь Цзю пропал — и он пришёл к нему с претензиями? До такой подлости додуматься — это надо уметь.

Янь Цзою подумал, что винить некого, кроме себя. Сам ослеп на три года, человека не разглядел.

Он ответил твёрдо и без подобострастия:

— Я и правда не знаю, где он. Может, на прогулку ушёл. А может, прогулялся до чьей-то

постели. Кто его знает.

Этим утром Янь Цзю вернулся вместе с Чэн Хао, но тот весь день не мог до него дозвониться. Пошёл в гостиницу, где тот временно остановился, — тоже нет. Янь Цзю будто сквозь землю провалился. И Чэн Хао взвалил эту чёрную, вонючую гирю на Янь Цзю, уверенный, что это он его припрятал.

Видя, что Янь Цзю ничем не пронять, Чэн Хао закипел от злости. Надо сбить с него спесь. Он наклонился к самому уху Янь Цзю:

— Хотел знать, что я сказал старику на Террасе Юйхуа, что он так быстро смылся?

— Сказал, что мы просто играем. Что я тебя трахну и брошу. — Чэн Хао продолжил:

— Видео из номера я тоже снял. Как думаешь, сможет ли твоя семья после этого голову перед нашей поднять?

Увидев, как Янь Цзю побелел, Чэн Хао добавил:

— А угадай, сколько пид... геев потом будут мечтать о твоих связях и сходить с ума по твоей роже?

— Чэн Хао! — у Янь Цзю сдали нервы. В голове образовалась пустота, последние остатки самоуважения рассыпались в прах.

Тань Чэнь, видя, что дело плохо, бросился на выручку, но профессиональные бойцы, прихваченные Чэн Хао, оттащили его в сторону. Его пассия, видя расклад, снова забился к нему в объятия.

Чэн Хао принял вид мальчишки, сорвавшего банк:

— Господин Тань, нашим семьям негоже ссориться. Вы уж лучше постоите в сторонке. Не мешайте.

А Янь Цзю он сказал:

— Если сегодня не отпустишь Янь Цзю, то пусть твои ребята с тобой поразвлекаются, как думаешь?

— Чэн Хао! Ты конченный урод! — Янь Цзю окончательно в нём разочаровался. — Янь Цзю правда не у меня.

Пятисантиметровый нож бесшумно оказался у горла Чэн Хао, и отражённый холодный синий свет блёснул в глаза Янь Цзю. Чэн Хао дёрнулся — на шее тут же проступила красная полоска. Он вскрикнул от боли.

Из темноты, словно призрак, материализовалась чёрная фигура. Голос был низким и ледяным:

— Вели своим людям отпустить его.

Чэн Хао рассчитал, что этот человек не посмеет его серьёзно ранить, и нагло буркнул:

— Не отпущу!

Нож двинулся вниз, вонзился в руку. По руке потекла алая струйка. Чэн Хао струсил, ноги задрожали:

— Отпустите его! Быстро!

Янь Цзою, смертельно бледный, подошёл к Гу Та.

Тот с тревогой спросил:

— Где ранен? Есть раны?

Янь Цзою покачал головой.

— Видео отдай! — Гу Та усилил нажим.

Чэн Хао, корчась от боли, выложил все записи. Но Гу Та не успокоился, схватил его за ногу и потащил в уборную. Янь Цзою последовал за ними.

Едва переступив порог, он увидел, как Гу Та методично, удар за ударом, разрезает ножом одежду на Чэн Хао. Тот весь дрожал, боясь пошевелиться, как бы не зацепили живого мяса.

Когда Чэн Хао был достаточно напуган, Гу Та взмахнул рукой — и с него слетела вся одежда, до последней нитки. Затем он кивнул Янь Цзою:

— Брат Янь, такая благодать, такие красоты — может, снимок сделаем?

Янь Цзою приблизился:

— Хахо, не бойся, сфоткаю тебя красиво.

Всю съёмку Чэн Хао прикрывал лицо, но Гу Та под угрозой заставил его открыться полностью.

Закончив, Гу Та с телефона Янь Цзою показал Чэн Хао каждый кадр, а затем при нём же переслал всё себе.

— Мама тебя, поди, учила: «не делай другим того, чего не хочешь себе». Есть у тебя копии или нет — мне неизвестно, а вот у меня их теперь много. Если впредь из-за этого какие проблемы возникнут — плохо будет всем!

С этими словами Гу Та взял одежду Чэн Хао, скрутил его и оставил голым, привязанным в огромной общественной уборной.

Речь Гу Та была отрывистой, движения — точными. Янь Цзою с неожиданным интересом отметил, что в этом парнишке есть какая-то притягательность.

Долго думал, как бы это описать, и нашёл слово — «компактный да милый».

Уходя, Янь Цзою отвесил Чэн Хао две звонкие пощёчины.

Затем он интимно притянул к себе Гу Та и, на глазах у Чэн Хао, со звуком «чмок» впился ему в губы. И тут же почувствовал, как в его рот проник мягкий и проворный язычок!

Раз уж проник — не уходить же. Гу Та обхватил его голову рукой, углубив поцелуй, смакуя вкус его слюны.

Поцелуй был долгим. Сердце Янь Цзою забилося часто, на миг перехватило дыхание.

— Высшее образование, внешность выдающаяся, молодой, — перечислял Янь Цзою. — В чём ты с ним сравнишься? Рядом со мной всегда кто-то есть, я и без тебя не пропаду. Правда ведь? — Он взял нож из рук Гу Та и похлопал лезвием по щеке Чэн Хао. — Янь Цзю правда не у меня. Почему он сгинул — советую тебе мозги пораскинуть. Раз уж я тебя бросил, не ищи у меня внимания. Стыдно же.

Выходя из уборной, Янь Цзою шёл так, будто под ним дул попутный ветер, аура мощная, словно он на подиуме.

А Гу Та вышел, ведомый за руку. Ему лишь казалось, что всё это сон. Сладкий, потому что Янь Цзою сам его поцеловал, и кислый — потому что это сделал именно Янь Цзою.

Янь Цзою, держа Гу Та за руку, быстро шёл впереди. У него была сексуальная брезгливость — Гу Та это твёрдо помнил. Он осторожно ткнул его в спину:

— Эй...

«Ты в порядке?» — не успел он договорить, как впереди идущий присел на корточки. Губы его побелели, на лбу выступила испарина.

Гу Та запаниковал:

— Что делать? В больницу?

— Не надо! — Голос Янь Цзою дрожал, было слышно, что ему больно, но он твердил:

— Сейчас пройдёт, просто дай посидеть.

Минуты через две, даже не спрашивая, Гу Та понял, что тому полегчало, потому что заговорил он недружелюбно:

— Я же велел тебе убраться ещё днём. Зачем вернулся?

Длинный коридор с томным светом.

Гу Та тоже присел на корточки и стал вытирать Янь Цзою пот со лба.

— Ты велел убраться — я и убрался. Просто мимо проходил, помог по пути.

— Не волнуйся, — сказал он, и лицо его было спокойным, будто речь о самом обыденном. — Не волнуйся, это не о чувствах.

И добавил:

— Отныне я буду твоей тенью. Беречь тебя, защищать.

И, конечно же: баловать, любить.

Глава 18. Отношения — дело серьёзное

В главном зале по-прежнему было шумно.

<http://bllate.org/book/16261/1463172>